

Ноги их ступали по одной и той же земле, а над головами простиралось одно и то же звёздное небо. Прохладный ночной ветерок неторопливо обдувал лицо Чу Му и касался кончиков волос Се Тин Юэ.

Се Тин Юэ даже чувствовал тепло и дыхание собеседника.

Хотя они были так близко, расстояние между ними казалось огромным, как никогда.

Не в силах описать словами чувства, наполнившие его сердце в этот миг, Се Тин Юэ просто старался спокойно смотреть на Чу Му, ожидая ответа.

Чу Му жестом велел Цинь Пину удалиться и, сам вращая колёса инвалидной коляски, проехал чуть вперёд. Выражение его лица оставалось невозмутимым:

— Если я скажу, что вышел на поиски госпожи, поверит ли она?

Се Тин Юэ приподнял бровь:

— А ты как думаешь?

Притворяешься! Давай, притворяйся дальше!

Чу Му тихо вздохнул и промолчал.

На душе у Се Тин Юэ стало горько, и рука в рукаве сама собой сжалась в кулак:

— Это несправедливо, Чу Му. Ты знаешь обо мне всё, но у тебя самого полно секретов, которые ты от меня скрываешь.

Да, он просто хотел справедливости. Только справедливости, ничего больше.

— Несправедливо... — Чу Му поднял взгляд к звёздам. В глубине его глаз бушевали сдерживаемые эмоции, а голос стал невесомым, словно дымка. Даже ничего не делая, он излучал глубокую печаль: — Ты уверен, что честно и во всех подробностях рассказал мне обо всём, что с тобой произошло, о каждом событии в твоей жизни?

Он не использовал игривое «госпожа», а обратился прямо на «ты».

Этот вопрос он задал предельно серьёзно.

Се Тин Юэ застыл.

Нет... была одна вещь, о которой он не говорил и не собирался говорить никому.

Чу Му испустил глубокий, задумчивый вздох.

Окутанный светом звёзд и луны, с пустотой в глубине глаз, — даже несмотря на привычную улыбку, застывшую в уголках губ, — в нём без труда читались горечь и печаль.

Се Тин Юэ крепко закусил губу.

Ему было больно.

Он понял, что означала та пауза в ответе!

Чу Му произнёс:

— В этом мире нет никого, кто желал бы быть ближе к госпоже, чем я.

Се Тин Юэ почувствовал безграничную вину и даже щемящую боль в сердце.

Он и вправду вёл себя не лучшим образом...

Но в мгновение ока он осознал, что что-то не так. Ведь это он сейчас поймал Чу Му на чём-то подозрительном, так почему он должен чувствовать вину первым? О перерождении нельзя рассказывать, никто не поверит. Даже если это близкий человек, его отношение неизбежно изменится. Разве не для того он это скрывает, чтобы между ними не возникла стена недопонимания? К тому же, у каждого есть свои маленькие секреты. Кто в этом мире может полностью понять кого-то и знать всё о нём? Никто!

Он явно имел в виду не это, но Чу Му намеренно увёл разговор в ту сторону. Он совершенно очевидно не хочет говорить правду!

— Давай не будем ворошить прошлое, — разобравшись в ситуации, Се Тин Юэ тут же обрёл уверенность. — Давай поговорим о сегодняшнем деле. Если я всё-таки буду настаивать, ты ответишь? Кто этот человек, что тайно с тобой встречался?!

Чу Му тихо рассмеялся.

Такой реакции Се Тин Юэ никак не ожидал и замер на месте.

— Если госпожа настаивает на вопросе, я, конечно, буду только рад, — Чу Му поднял голову, его улыбка была тёплой, а взгляд — по-прежнему нежным. — Но госпожа... Вы действительно решили, что хотите это знать?

Сердце Се Тин Юэ ёкнуло.

Сейчас он должен был призывать к ответу, так почему же именно ему предстоит сделать важный выбор? А Чу Му, напротив, выглядел так, будто долго ждал этого дня...

Неужели Чу Му нравится, когда он капризничает, грубит и злится?

Внезапная догадка поразила его до глубины души. Он посмотрел на Чу Му и осторожно спросил:

— Ты ведь... и не собирался от меня это скрывать?

— Зачем мне что-то скрывать от госпожи? — Чу Му с улыбкой взял руку Се Тин Юэ и прижал к своей щеке. — Я уже говорил это раньше, вы мне очень нужны, госпожа, но... я не был уверен, что госпожа нуждается во мне.

Сердце Се Тин Юэ кольнуло от боли.

Так значит, всё это время он и был тем, кто отстранялся?

Чу Му всегда был нежен и снисходителен, терпеливо ожидая. Как бы сильно он ни беспокоился, как бы ни жаждал, он никогда не торопил его, а просто тихо ждал.

Он всегда держал свои объятия открытыми, в то время как Се Тин Юэ постоянно колебался и

не решался сделать шаг...

Нет, Се Тин Юэ нахмурился. Чу Му не торопил его словами, но всё это время безмолвно подводил его к этому. Каждое шутливое проявление нежности, каждое двусмысленное признание — возможно, всё это не было шуткой, а шло от самого сердца. И сколько же таких искренних порывов он проигнорировал? Сколько раз он со смехом отмахивался от них? Разве сердце Чу Му не болело от этого?

Ему вспомнилось начало их брака, та ночь, когда они разбирались с момо Хуан. Чу Му тогда специально притворился больным и спросил: «Всё понял?». После сливового банкета он не мог уснуть и увидел потайной ход в кабинете и самого таинственного Чу Му...

Возможно, во всём этом был скрытый смысл, и всё это Чу Му делал намеренно.

Он ждал, когда Се Тин Юэ прозреет, когда наберётся смелости и сделает шаг вперёд.

— Почему? — внезапно спросил Се Тин Юэ.

На этот раз застыл Чу Му, словно не понимая вопроса:

— Почему?

— Почему ты так добр ко мне?

Ведь у них не было никакой предыстории, а свадьба была их первой встречей, разве не так? Как же вышло, что Чу Му с первого же мгновения проникся к нему такой глубокой любовью и не ослабевающей заботой?

Се Тин Юэ не понимал.

Совершенно не понимал.

— Почему... — Чу Му опустил взгляд, его длинные ресницы отбрасывали тень. — Я тоже не понимаю. Просто чувствую, что в этой жизни без госпожи... не смогу.

Честно говоря, Се Тин Юэ не верил в любовь с первого взгляда. В его понимании это скорее называлось «вожделение при виде красоты». Он больше верил в медленное и постепенное развитие отношений, в привязанность, которая рождается из долгого общения. Но в этот момент, казалось, не было другого способа объяснить происходящее. Неужели придётся поверить именно в это?

Он невольно коснулся своего лица:

— Я... что, и вправду так красив?

Чу Му негромко рассмеялся, его грудь мерно вздымалась от искреннего веселья:

— Моя госпожа прекрасна. Настолько, что сердце трепещет, и невозможно оторваться.

Се Тин Юэ внезапно покраснел.

Нельзя же так говорить! Он мужчина, а не женщина!

Чу Му поднёс его руку к своим губам и нежно поцеловал:

— Боюсь, мне, Чу Му, в этой жизни уже не суждено выбраться из ладоней госпожи.

Тыльная сторона ладони запылала, и Се Тин Юэ инстинктивно попытался отдернуть руку...

Но не смог.

Чу Му крепко сжимал его ладонь, а в глубине его глаз отражалось сияние звёзд и луны:

— Я очень долго ждал этого дня. Теперь, когда вы пришли ко мне, госпожа, даже не думайте о побеге.

Опасаясь, что Се Тин Юэ отступит, он продолжил:

— Всё верно, я тайно держу рядом с собой людей. Они подчиняются только моим приказам и действуют лишь в моих интересах. Это крайне секретно, никто из окружения о них не знает. Тот, кого ты только что видел, был одним из них.

Содержать людей было обычным делом, у многих знатных семей даже имелась личная охрана, но внимание Се Тин Юэ привлекло не это, а секретность.

— Почему?

Зачем скрывать это так тщательно? От кого он защищается? Неужели рядом с Чу Му есть кто-то, кто желает ему зла?

При этой мысли сердце Се Тин Юэ тревожно сжалось.

— Потому что у меня есть одно дело, касающееся жизни и смерти, которое я обязан расследовать и довести до конца, — ответил Чу Му.

Се Тин Юэ встревожился:

— Что за дело?

Чу Му внезапно замолчал, и выражение его лица...

Оно слегка исказилось, может быть, от боли?

Изящные брови Се Тин Юэ слегка нахмурились. Неужели он сожалеет? Не хочет рассказывать?

Чу Му сжимал его руку всё сильнее, казалось, он вот-вот раздавит её в своей ладони:

— Госпожа... мне больно...

— Больно?

Се Тин Юэ подумал про себя: «Неужели он снова притворится больным, чтобы уйти от ответа?».

Но в следующий миг голова Чу Му бессильно склонилась набок, силы покинули его, и он потерял сознание.

Се Тин Юэ коснулся его лба и, перепугавшись до смерти, немедленно закричал:

— Цинь Пин!

Болезнь Чу Му внезапно обострилась — это был настоящий приступ, стремительный и яростный.

Всё то время, что Се Тин Юэ был замужем, он постоянно ухаживал за Чу Му. Несколько раз у Чу Му была лёгкая лихорадка, но это не считалось серьёзным — стоило несколько дней попить лекарства и отлежаться, как он приходил в норму. Никогда ещё болезнь не наступала так стремительно и беспощадно.

Жара не было или он вспыхнул лишь на мгновение, но физическое состояние резко ухудшилось. Всё тело стало ледяным, и на этот раз не было даже дрожи, сознание полностью покинуло его.

— Лекарство... нужно лекарство, — в панике произнёс Се Тин Юэ, глядя на Цинь Пина. — Разве у тебя нет спасительного лекарства? Быстрее доставай!

Цинь Пин тоже был сильно встревожен, его брови сошлись на переносице, но он не сделал ни малейшего движения, чтобы достать лекарство:

— Лекарство... закончилось ещё пару дней назад. Из-за проливных дождей невозможно спуститься с горы, чтобы приготовить новое. Ингредиенты для этих пилюль трудно найти, а само изготовление требует немало времени...

Долгое время прислуживая господину, он лучше всех знал состояние его здоровья. Обычно всё было в порядке, но при таком тяжёлом приступе никакое лекарство не сравнится по действенности с собственной силой воли. На этот раз, по всей видимости, господину придётся полагаться лишь на себя и самому бороться с болезнью.

Се Тин Юэ не знал всех тонкостей и не мог сейчас рассуждать здраво, в его голове бился лишь один вопрос: что делать?!

Нет лекарства... значит, нужно собрать лекарственные травы!

Он схватил Цинь Пина:

— Эта гора такая большая, я слышал, здесь растёт много лечебных трав. Я помню рецепт Чу Му. Ты разбираешься в травах? Сможешь их собрать?

— Разбираюсь и смогу собрать, но боюсь, что не найду все необходимые...

Цинь Пин подумал, что сейчас рядом с господином не он один, в тени есть охрана, так что можно ненадолго отойти. Хотя сейчас всё зависит главным образом от воли господина, но любые лекарства станут подспорьем. В любом случае, это надежда. Он тут же согласился:

— Даже если не смогу найти всё, я всё равно пойду!

Брат Дун выскочил из-за угла и, глядя на Се Тин Юэ, сказал:

— Молодой господин, мой дедушка торговал лекарственным сырьём, я тоже кое-что смыслю. Позвольте и мне пойти с ним!

Се Тин Юэ рассеянно кивнул, и они быстро скрылись из виду.

Служанка Инь Синь, стоявшая рядом, напомнила:

— Госпожа, давайте перенесём старшего молодого господина на кровать? Лекарь скоро придёт.

Се Тин Юэ только сейчас вспомнил: точно, лекарь. Лу Ли ранее прислал письмо, в котором говорилось, что лекарь скоро придёт. Лу Ли — чиновник, его беспокоит положение пострадавшего от наводнения народа и возможность эпидемии, так что присланный им лекарь точно не будет неумехой.

Он наверняка сможет стабилизировать состояние Чу Му!

Укрыв Чу Му несколькими слоями толстых одеял и обложив его грелками с горячей водой, Инь Синь хлопотала по хозяйству, а Се Тин Юэ застыл от ужаса, не в силах пошевелиться.

Он крепко сжал руку Чу Му:

— Я больше не буду спрашивать, никогда больше. Только не пугай меня так, хорошо? Ты не можешь умереть сейчас, ты не умрёшь...

Он и сам не понимал почему, ведь раньше он всегда был собран и спокоен, когда случалась беда, умел сохранять спокойствие и методично отдавать распоряжения, но в этот раз он запаниковал.

Душа была не на месте, он не мог сосредоточиться.

С одной стороны он успокаивал себя тем, что в прошлой жизни Чу Му был жив в это время, но с другой — испытывал крайнюю неуверенность в будущем.

Нельзя, переродившись и обретя знания будущего, держать всё под контролем и быть непогрешимым в расчётах. Люди меняются, обстоятельства тоже меняются, ничто не будет в точности таким же, как прежде. Например, это наводнение случилось раньше срока.

В прошлой жизни Чу Му в это время был жив и здоров, но тогда он не покидал дома. На этот же раз он уехал, случилась непредвиденная беда, болезнь вспыхнула, а лекарства не было. Кто знает, не случится ли...

Этого не случится!

Ни в коем случае!

Се Тин Юэ отказался даже думать о такой возможности.

Во дворе быстро поднялась суматоха. Сяо Юнь Фэн не мог отлучиться, поэтому Хан Цин Си лично привела семейного лекаря. Тот лишь взглянул на больного и, едва коснувшись пульса, резко переменился в лице, и заявил, что бессилён помочь.

Хан Цин Си чувствовала вину, но человеческие возможности не безграничны, и она ничего не могла поделать. Ей оставалось лишь распорядиться, чтобы принесли всё необходимое, обеспечив максимальную поддержку.

Цинь Пин и брат Дун усердно искали и уже прислали несколько видов трав, но полного набора не было. Се Тин Юэ не решился давать их Чу Му.

Когда совсем рассвело, прибыл лекарь, присланный Лу Ли.

Инь Синь с самого утра караулила его и, как только он появился, тотчас привела его во двор.

Лекаря звали Гуан Бай. Это был пожилой человек с седыми висками и аккуратной козлиной бородкой. Характер у него был не из лучших — едва взглянув на состояние Чу Му, он рассердился:

— Болезнь так запущена, почему вы только сейчас позвали лекаря?

Прежде чем Се Тин Юэ успел почувствовать себя виноватым, старый лекарь уже опустил на пол свой ящик со снадобьями, ловко достал свёрток с золотыми иглами, откинул одеяло и принялся за иглокалывание.

Иглы вонзались в голову, грудь, живот и даже в стопы — Чу Му оказался буквально утыкан ими.

Се Тин Юэ с щемящей болью в сердце смотрел на Чу Му, ставшего похожим на ежа.

Вскоре после введения игл Чу Му начал дрожать, а на его лбу, ладонях и стопах выступил холодный пот.

Се Тин Юэ потрогал его — тело Чу Му всё ещё оставалось ледяным, в нём не чувствовалось ни капли тепла.

— Это...

Гуан Бай понял, о чём тот хочет спросить, и вздохнул:

— Наличие реакции — это уже хорошо. Было бы куда хуже, если бы он даже не чувствовал холода и не дрожал.

Се Тин Юэ задумался. Действительно, в начале этого приступа Чу Му впал в беспамятство так глубоко и внезапно, что казалось, будто и впрямь не чувствовал холода...

— Ладно, день-другой продержится, — прикинув время, Гуан Бай начал вынимать иглы.

Сердце Се Тин Юэ снова ёкнуло. Что значит «день-другой продержится»? Что это значит?

Значит ли это, что через пару дней опасность вернётся?

Он хотел попросить лекаря осмотреть его ещё раз, но побоялся, что лишние просьбы только раздосадают старика. Вместо этого он просто отошёл в сторонку и, взирая на старика полным надежды взглядом, стал ждать его дальнейших действий.

Гуан Бай хмыкнул, пробормотал себе под нос что-то вроде «вполне смыслённый», уселся и, закрыв глаза, принялся щупать Чу Му пульс.

На этот раз диагностика затянулась.

И выражение лица лекаря изменилось.

Его брови хмурились всё сильнее, а движений становилось всё больше. Он не только проверил пульс на обеих руках, но и приподнял веки Чу Му, чтобы осмотреть глаза, внимательно

осмотрел область за ушами и попросил Се Тин Юэ помочь придержать тело больного, чтобы осмотреть спину...

Се Тин Юэ тревожился всё сильнее. Увидев, что старый лекарь закончил осмотр, он осторожно спросил:

— Вы ведь собираетесь выписать рецепт? Я уже приготовил тушь и кисть.

— С рецептом можно не спешить.

Гуан Бай провёл ещё один сеанс иглоукалывания, но на этот раз область воздействия была меньше — только стопы, что сильно отличалось от предыдущего раза.

Извлекая иглы, он внимательно изучал их, затем долго всматривался в кожу Чу Му и наконец спросил:

— Больной слаб телом, и подобные приступы случаются часто, верно?

— Да, — ответил Се Тин Юэ. — Но при должном уходе его состояние всегда оставалось стабильным, никогда ещё не было так плохо.

— А рецепт, который вы использовали постоянно, помнишь?

— Помню. — Се Тин Юэ тут же продиктовал рецепт старому лекарю.

Выслушав его, Гуан Бай погладил бороду и тяжело вздохнул:

— В том-то и дело, что ухаживали слишком тщательно и бережно.

Се Тин Юэ не понял:

— Вы хотите сказать...

— Рецепт, который принимал больной, безупречен. Отборные травы, прекрасное укрепляющее средство. От него, конечно, не будет вреда, но надеяться, что это лекарство исцелит болезнь, невозможно, — Гуан Бай посмотрел на Чу Му, лежавшего на кровати, и во взгляде его мелькнула лёгкая жалость. — Больной вовсе не слаб здоровьем. Он отравлен.

Се Тин Юэ был потрясён:

— Отравлен?

Не может быть! В прошлой жизни такого не было!

Спустя лишь мгновение его осенило, что, возможно... дело не в том, что в прошлой жизни яда не существовало, а в том, что его не обнаружили.

Или же обнаружили, но Чу Му не стал об этом говорить, и никто больше не знал.

Знал ли сам Чу Му, что его отравили?

К сожалению, тот пребывал в глубоком беспамятстве и не мог ответить.

— Да, — уверенно подтвердил Гуан Бай. — В обычное время, когда приступа нет и состояние

стабильно, я бы наверняка этого не разглядел. Но сейчас из-за приступа, действие прежних лекарств ослабло, и яд проявил себя. Однако моих скромных познаний недостаточно, чтобы определить, что это за яд. Я знаю лишь, что он крайне агрессивен и обладает ледяной природой.

— Что же нам теперь делать? — спросил Се Тин Юэ.

Гуан Бай на мгновение задумался:

— Я проведу ещё несколько сеансов иглоукалывания, чтобы стабилизировать его состояние, и продолжу давать прежние укрепляющие средства. Когда его состояние стабилизируется, вам следует пригласить именитого лекаря, чтобы найти способ вывести яд.

Се Тин Юэ кивнул, запоминая каждое слово лекаря, но один вопрос не давал ему покоя:

— Лекарь, позвольте спросить, можно ли узнать, как долго этот яд находится в его теле? Можно ли это определить?

Гуан Бай снова пощупал пульс и вздохнул:

— Он укоренился глубоко. По меньшей мере лет десять или больше.

— Но ему едва исполнилось двадцать...

— Значит, он был отравлен ещё ребёнком, а может, и вовсе с самого рождения. — Гуан Бай был искусным лекарем, повидавшим мир и лечившим людей из знатных семей. Едва взглянув на манеры и наряд Се Тин Юэ и Чу Му, он смог примерно догадаться об их происхождении, и в его голосе явственно прозвучало сострадание: — Ох уж эти высокие ворота*...

*П.п. Высокие ворота — богатые, знатные и влиятельные семьи.

Се Тин Юэ так сильно впился ногтями в ладони, что стало больно.

— Постойте-ка, — вдруг вспомнил Гуан Бай. — Есть одна трава, которая в нынешнем состоянии должна оказать чудесное действие, вот только найти её непросто.

Се Тин Юэ, словно ухватившись за спасительную соломинку, взволнованно воскликнул:

— Прошу вас, почтенный, скажите прямо! Мы сделаем всё, что в наших силах, пока есть хоть малейшая надежда!

Гуан Бай кивнул:

— Называется Яньшуйхуан. Выглядит вот так...

Он взял бумагу и кисть и набросал изображение травы.

— Вам повезло, что сейчас подходящее время. Хотя целебная сила Яньшуйхуан велика, но это растение очень капризное. Оно любит прохладную, но не слишком холодную погоду. Летом его нет, зимой тоже. Растет оно только поздней осенью или ранней весной. А ещё оно обожает влагу. Обычной сырости ему мало, нужен ливень. Если сезон подходящий, но нет проливного дождя, оно не взойдёт. Эти затяжные дожди в уезде Цин — бедствие для людей, но для него — самое то...

Постепенно голос Гуан Бая стал тише:

— Это растение также умиряет эпидемии. Видно, Небо, посылая людям беды, никогда не лишает их пути к спасению...

Заметив, что лекарь задумался, Се Тин Юэ позвал:

— Лекарь Гуан? Лекарь Гуан?

— А, я просто подумал, что хоть Яньшуйхуан и трудно найти, сейчас на этой горе она наверняка есть, — он передал рисунок Се Тин Юэ и серьёзно наказал: — Как только небо прояснится и температура поднимется, эта трава завянет и погибнет. Срок её жизни очень короток. Тебе нужно поторопиться и отправить людей искать там, где больше всего тумана и сырости. Возможно, им улыбнётся удача.

Се Тин Юэ был преисполнен благодарности:

— Огромное спасибо, лекарь Гуан!

Тот сдержанно махнул рукой:

— Не стоит благодарностей. Найдут — прекрасно, не найдут — не беда. Больной и так в очень плохом состоянии, ему не станет хуже. Разве что очнётся на несколько дней позже.

Лекарь шутил, и Се Тин Юэ ничуть не рассердился, напротив, он даже обрадовался.

Лишь имея уверенность, можно так шутить!

Что бы ни ждало впереди, Чу Му точно не умрёт!

Се Тин Юэ тут же попросил у Хан Цин Си нескольких помощников, чтобы отправить их в горы с вестью для Цинь Пина и брата Дуна. Он тщательно перерисовал Яньшуйхуан, изображённую Гуан Баем, в нескольких экземплярах и передал их вместе с посланием.

Раз уж Хан Цин Си одолжила людей для помощи, он, естественно, не ограничился лишь передачей сообщения. Как только послание будет доставлено, он велел одному человеку вернуться с докладом, а остальным остаться и, разойдясь в разных направлениях, вместе искать Яньшуйхуан.

Цинь Пин не знал, как обстоят дела у других, но он вновь столкнулся с людьми из организации Гэньмяо — теми самыми, что преследовали принца Ли.

Похоже, большая их часть отправилась в погоню за принцем Ли, и осталось лишь несколько человек. Они рассредоточились, и каждый, держа в руках деревянную палку, что-то тщательно искал на земле.

Горные утёсы, густой туман... эта обстановка была слишком знакомой. Неужели они тоже ищут лекарственные травы?

Хозяин был болен, и Цинь Пин, не желая нарваться на неприятности, просто обошел этих людей стороной, чтобы продолжить поиски в другом месте.

Хозяин, вы должны во что бы то ни стало продержаться!

.....

Дни стояли ясные, следы большого наводнения быстро исчезали. Родовые постройки семьи Сяо у подножия горы уже были вычищены, потери оказались невелики, и люди начали радостно перебираться обратно. Вершина Восточной горы постепенно превращалась из шумного места в тихое и безлюдное.

Те, кто успел сблизиться с Се Тин Юэ и Чу Му, не хотели расставаться. Они хотели пригласить их перебраться вместе с ними, но, видя, что состояние Чу Му совершенно не позволяет перемещаться, оставили эту мысль и не стали заговаривать.

В эти дни Се Тин Юэ и днём, и ночью не отходил от постели Чу Му, взяв на себя всю работу слуг и служанок. Хан Цин Си смотрела на это с состраданием. В своё время она... и вполноценно так не старалась.

Не удержавшись, она дала наставление Се Тин Юэ:

— В нынешних обстоятельствах тебе в первую очередь следует хорошенько заботиться о себе. Лишь имея силы, ты сможешь хорошо ухаживать за молодым господином Чу.

— Знаю, — с лёгкой улыбкой ответил Се Тин Юэ. — Мы доставили вам столько хлопот, я должен поблагодарить вас за великодушие.

Хан Цин Си отмахнулась:

— К чему это? Как гласит поговорка: «Бывает, прожив до седины, остаёшься чужим, а бывает, с первого взгляда — словно старый друг». Вы с нашей семьёй Сяо уже прошли через жизнь и смерть, если ещё раз скажешь подобное, я рассержусь! Двор у подножия горы уже подготовлен, я сейчас как раз поеду туда, чтобы обставить его всем необходимым. Когда состояние господина Чу улучшится, и лекарь разрешит перемещать его, пришли мне весточку. Я пришлю людей с носилками, и мы перенесём господина Чу вниз. Будь спокоен, обещаю, он не испытает ни капли неудобств!

— В таком случае, большое спасибо.

Хан Цин Си ушла, и сородичи семьи Сяо один за другим спустились с горы. После ужасного ливня не осталось никаких пугающих последствий, эпидемии не случилось, и старый лекарь Гуан Бай был весьма доволен. Он пребывал в хорошем настроении и лечил со всем усердием, чем Се Тин Юэ был доволен.

Единственное, что не радовало — это трава Яньшуйхуан. Её нашли и дали Чу Му, дрожь ушла, а тело перестало быть ледяным, но он всё не просыпался.

— Всего один стебель Яньшуйхуан, чего ты ещё хочешь? Чтобы твой муж сразу встал на ноги и начал скакать? — старый лекарь Гуан Бай взял со стола кувшин с вином. — Довольствуйся тем, что есть! Засиделся я тут уже достаточно, дела почти закончены, мне пора уходить...

Се Тин Юэ тут же обернулся:

— Умоляю, лекарь Гуан, сжальтесь. Мы сможем обсудить этот вопрос снова после того, как мой муж проснётся.

Гуан Бай цокнул языком:

— Я гляжу, ты вроде сообразительный, почему же не понимаешь, что тебе говорит старик?

Но Се Тин Юэ сохранял непреклонный вид.

— Ладно, — Гуан Бай направился к выходу с вином в руках. — Я подожду, пока он проснётся, и тогда приду с тобой попрощаться!

Се Тин Юэ наконец вздохнул с облегчением.

На самом деле он понимал всё, что ему говорили. Даже не глядя в зеркало, он знал, в каком состоянии находится сейчас. Ему нужен был отдых. Тело Чу Му восстанавливалось, и не было нужды постоянно так беспокоиться.

Но он просто не чувствовал усталости.

Когда становилось совсем невмоготу, ему было достаточно сжать руку Чу Му и прикорнуть на краю кровати. Он не хотел уходить отсюда.

Заметив, что губы Чу Му снова пересохли, он принёс воды и по капле влил ему в рот.

— Просыпайся скорее... Я не хочу сдаваться...

Его сознание затуманилось. Неизвестно, сколько он проспал, когда вдруг почувствовал на своей макушке чей-то взгляд — горячий, пристальный, такой, что его невозможно было игнорировать.

Сон? Или... кто-то смотрит на него?

Это конечно мог быть только...

Он тут же открыл глаза и поднял голову. Глаза Чу Му, до этого плотно закрытые, были распахнуты.

Неужели очнулся?

Се Тин Юэ вне себя от радости, не выпуская руки Чу Му из своей, спросил:

— Очнулся? Где-нибудь болит?

Голос Чу Му был немного хриплым:

— Не болит.

— Тогда хочешь воды?

— Не хочу воды.

— М-м?

— Я хочу тебя.

Се Тин Юэ не успел среагировать, как его руку, которую схватил Чу Му, сильно дёрнули. Он повалился вперёд и оказался в объятиях Чу Му.

Чу Му крепко обхватил его затылок и накрыл его губы своими.

Это был их первый поцелуй.

Настоящий поцелуй.

Возможно, в нём не было страсти и разлетающихся искр, но было достаточно нежности, глубоких чувств и бесконечной привязанности.

<http://bllate.org/book/13821/1317967>